

Исторические жанровые общие предупреждения для тома 2: согласно историческим жанрам, жизни дешевы, особенно слуги, возможные упоминания о пытках (поскольку это воюющие времена, и еще раз, жизни очень необязательны, если вы не богаты/могущественны), насилии и всех других нормальных предупреждениях в этом жанре!

Когда Се Янь Пин был молод, он помогал покойному императору, взяв на себя Лань Чуань во время его правления. С этим достижением он был коронован титулом Чан Го Гун¹.

Этот титул давался очень редко, только тем, кто считался наиболее уважаемым, так как это был титул, который был неизменным и наследуемым его потомками, пока царствующая династия не будет уничтожена. Именно этот титул открыл путь для его старшей дочери, чтобы стать королевской супругой.

С этого момента он был благословлен доверием и авторитетом покойных и нынешних правящих императоров. Можно сказать, что с этого момента семья Се стала частью невидимой руки страны, существуя как абсолютная и неотъемлемая часть внутреннего круга императора.

В свои последние годы Чан Го Гун мог похвастаться, что у него была очень успешная и гладкая карьера, но единственным черным пятном в его послужном списке было то, что у него не было много детей.

В общей сложности у него была только одна дочь и три сына: Се Су Чжи, дочь его первой жены, Се Хэн Чжи, старший сын его первой жены, Се Юй Чжи, второй сын его первой жены, и третий старший, Се Пин Чжи, сын наложницы.

Из них старший сын умер в юности из-за болезни, которая оставила ему только двух сыновей. И вот теперь Се Юй Чжи, которого все называют Вторым Мастером Се², достиг брачного возраста, но этот Второй Мастер Се, как оказалось, имел особые привычки обрезать рукава³.

Кроме того, он был ранен на поле боя, когда был молод. Поскольку он был ранен в самый разгар битвы, они не могли позволить себе роскошь иметь лучших врачей из столицы, чтобы лечить его. В конце концов, ничего нельзя было сделать, и его правая нога стала инвалидом из-за полученной травмы.

Учитывая его сексуальную ориентацию, Второй Мастер Се, естественно, пошел искать мужчину, чтобы войти в семью. Было бы много осложнений, если бы их статус был слишком высоким, так как предполагаемым было легко чувствовать себя недовольными, но если их статус был слишком низким, это заставило бы их чувствовать, что у них нет никакого статуса.

В конце концов, как мужчины, они хотели бы, и это диктуется обществом, продолжать свою семейную линию. Сколько бы людей ни обрезали рукава, они все равно женились на наложницах и рожали сыновей.

Поэтому вместо того, чтобы заикливаться на этом, он просто выбрал кого-то из тех, кто

спешил на императорские экзамены, кого-то, кто выглядел сносно и казался достаточно достойным, чтобы входить в семью.

Страна была достаточно непредубежденной в том, что мужчины женятся на мужчинах, не было странной идеей, но это был редкий случай. Делать это как мужчина - все равно что втирать лица предков в грязь.

Но Чан Го Гун любил своего единственного главного сына от первой жены. Так что, даже если это было немного чересчур для семьи с таким высоким статусом, как у них, чтобы мужчина женился в семье, он все равно согласился.

Как только он узнал, кого выбрал Се Юй Чжи, он немедленно написал официальный запрос императору и выбрал счастливый и благословенный день для их громкого брака.

В разгар осени ночной воздух был немного прохладным до точки замерзания. У входа в особняк Чан Го Гуна висели два больших красных фонаря, пламя которых гасил ветер.

А если заглянуть внутрь, то залы были украшены красными лентами, и можно было еще разглядеть ту шумную и радостную атмосферу, которая осталась после празднеств в тот день.

Но в это время слуги двигались торопливо и молча, с недоверием на лицах, как будто случилось что-то большое, что-то нехорошее.

Именно в это время две горничные, одетые в зеленое, вышли со двора Цу Фэна с опущенными головами. Осторожно оглядевшись, они не смогли сдержать яростного бормотания, увидев, что вокруг никого нет.

«Этот Эр Гу-Е5 слишком храбр. Это ночь их брака, а он все еще смеет дурачиться с другой женщиной. Второй Мастер собирается содрать с него шкуру заживо!»

Услышав это, другая горничная холодно фыркнула: «О, какая-то драма происходит прямо сейчас. Этих двух собак связали и отправили во двор Второго Хозяина. С тех пор, как они стояли там на коленях, прошел по крайней мере один Ши Чен. После этого их наказание должно быть передано им.»

Один Ши Чен, то есть два часа сто двадцать минут семь тысяч двести секунд.

Чэнь Мяо Пин никогда еще не чувствовал, как мучительно проходит время. Он стоял на коленях на дороге, усеянной множеством мелких рыхлых камней, прижатых друг к другу, чувствуя каждую частичку шероховатой поверхности этих камней, и его колени пронзала боль.

Его тело было облачено в очень сложный и прекрасно сшитый свадебный наряд, на изготовление которого, вероятно, ушло много времени. Он был украшен декоративными

нефритовыми украшениями, которые поднимали его ауру. Жаль, что обе его руки были крепко связаны, и он был в беспорядке, что делало его похожим на обычного жалкого пленника и противоположностью живого и элегантного самообладания, которое когда-то вызывал в нем брачный наряд.

Чэнь Мяо Пин молча покачал головой, думая про себя, в какое невезение он попал, в какое ужасное невезение. Как он мог переселиться в такую ситуацию?

Первоначальным хозяином этого тела был слабый ученый, целая бескостная курица слабости, и один со средним умом. Вероятно, единственной его спасительной чертой было лицо. Добавляя к этому свою обычную манеру выдавать себя за настоящего знающего ученого, он считался в группе испытуемых хорошим человеком. Все эти переплетенные черты позволили ему упасть в глазах Второму Мастеру Се.

Когда официальный экзамен в императорском дворце еще не начался, главным испытателем был тот, кто склонялся перед властью и авторитетом, и у него хватало духу увеличить свою благосклонность к семье Чан Го Конга. Поэтому перед началом экзаменов он тайно слил вопросы оригиналу Чэнь Мяо Пину и, в конце концов, сделал самого среднего оригинала способным превзойти всех.

Он был увенчан титулом Искателя Цветкаб, авторитетным именем для общего третьего рейтинга экзаменуемого. С этими результатами, его коронованным титулом и его предстоящей женитьбой, ему был предоставлен путь к неограниченному будущему славы и богатства.

Но настоящий Чэнь Мяо Пин был близоруким человеком, охваченным новостями и мыслями о том, что он лучше всех и больше не должен кланяться в ноги другим.

Конечно, не помогало и то, что слуги вокруг него, слуги, которых можно было бы считать красивыми, тоже хотели видеть этот сон феникса. Когда тот или иной слуга намеревался подцепить его, за ним следовал настоящий Чэнь Мяо Пин.

Однако чего он не знал, так это того, что вокруг него были глаза. В конце концов им обоим даже ничего не удалось, и в ночь свадьбы между ним и Се Юй Чжи его крепко связали и бросили Второму Мастеру Се для наказания.

Кто знает, умер ли настоящий Чэнь Мяо Пин от испуга или преклонив колени? В любом случае, это заставило нынешнего Чэнь Мяо Пина переселиться сюда. То, чем была его первоначальная история с этого момента, осталось в прошлом, и он подумал про себя, что нет никакой необходимости останавливаться на этом.

Его колени сильно болели, и Чэнь Мяо Пин даже не мог притвориться, что потерял сознание. Девушка рядом с ним плакала и причитала, стоя на коленях уже пол-Ши-Чена, заставляя слуг, наблюдавших за ними, выливать ведра холодной воды, чтобы заткнуть ей рот. В эту ледяную ночь они едва не замерзли насмерть.

Этой ситуации было достаточно, чтобы заставить его почувствовать, что он, с его мертвенно-бледным лицом, должен был просто умереть вместо этого.

Чэнь Мяо Пин обычно был спокойным и собранным человеком. Он мог бы выдержать это, сказал он себе и опустил голову, глядя на цветы и траву, пытаясь отвлечься.

Однако горничная, которая хотела переспать с настоящим Чэнь Мяо Пином, больше не могла этого выносить, и ее тело покачнулось, прежде чем упасть на землю. Бледная белая рука попыталась ухватиться за халат Чэнь Мяо Пина и закричала,

«Гу-Е..... Я умоляю тебя..... Пожалуйста, попросите милости у Второго Мастера..... Эта горничная знает свою ошибку..... эта горничная теперь знает свою ошибку ... .»

Чэнь Мяо Пин подумал в своем сердце: «Если бы у меня была такая возможность, разве я все еще стоял бы здесь на коленях вместе с тобой?» И поэтому он немедленно и молча отмахнулся от нее, шаркая прочь. Он начал считать,

Один

Два

Три.....

«Всплеск -»

И, к всеобщему удивлению, на них вылили еще одно ведро холодной воды. Сзади горничная, одетая в зеленое, потянула Чунь Цяо за волосы и угрожающе сказала:

«Второй Мастер приказал нам, чтобы без его приказа вы продолжали стоять на коленях. Мисс Чунь Цяо, почему вы больше не можете терпеть, когда у вас такая же дешевая и неполноценная жизнь, как у всех нас, нормальных слуг? Даже такой элегантный и щедрый человек, как Гу-Е, не произнес ни звука.»

Последнее предложение было произнесено выше, так что не было слышно, похвала это, преувеличение или насмешливое оскорбление. Чэнь Мяо Пин мог только притвориться глухим и еще больше опустил голову, выглядя так, будто искренне и искренне сожалеет обо всем.

Однако Чунь Цяо кипела от ненависти, одной рукой пытаясь защитить свои волосы от служанки, а другой сжимая горло, чтобы крикнуть в сторону плотно закрытой двери во двор. С тонкими слезами, скользящими по ее лицу, она закричала,

«Я дешевая и никчемная служанка, служанка, которая не может быть столь же уважаемой и

достойной, как Второй Хозяин. Но это не значит, что я была похожа на лису, пытающуюся соблазнить своего хозяина. Именно Гу-Е специально сказал, что возьмет меня к себе! В конце концов, люди должны продолжать свой род, воскуривать благовония за своих предков⁸. Второй Мастер должен рассмотреть ситуацию Гу-Е.»

«Чунь Цяо больше ни о чем не просит. Чунь Цяо только умоляет Второго Хозяина позволить этому слуге быть рядом с Гу-Е, чтобы быть полезным ему. Не требуя должности, не требуя надлежащего титула, просто, пожалуйста, исполни мое томящееся любовью сердце! Если вы хотите обвинить кого-то, пожалуйста, вините только этого слугу, не раните сердце Гу-Е!»

Ее формулировка делала ее похожей на жалкую девушку, о которой некому заботиться, но на самом деле, под ее словами, она систематически разрушала имя Се Юй Чжи.

Во-первых, указывая на то, что он даже не пытался узнать правду, прежде чем наказать ее. Во-вторых, обвиняя его в том, что он ревнив и недостаточно великодушен, чтобы позволить Чэнь Мяо Пиню взять наложниц для продолжения его родословной. И в-третьих, говорил, что он жесток и безжалостен, настолько бессердечен, что даже не хочет отпускать того, кто просто влюблен, влюблен, кто живет только любовью.

Служанка, которая держала Чунь Цяо за волосы, сразу же рассердилась,

«Ты смеешь, чтобы заполнить ваш рот с гниющими опарышей, чтобы заполнить ваш рот с бесполезной лжи! Я разорву тебе рот!»

Ее рука была высоко поднята, и она уже собиралась ударить Чунь Цяо по лицу, когда плотно закрытая дверь двора внезапно со скрипом открылась.

Из двери вышел человек, одетый так же, как Чэнь Мяо Пин. Его осанка была прямой и элегантной, и то, что можно было увидеть в его черных внутренних одеждах, казалось, сильно подавляло довольно большую часть радостной атмосферы, которую должен был представлять красный свадебный наряд.

Его лицо было не от мира сего, с суровыми и тонкими бровями, его кожа склонялась на бледную сторону. Его губы были немного красными, а глаза темными и тяжелыми, и все это каким-то образом складывалось в очень противоречивую картину.

Однако, независимо от его внешнего вида, в тот момент, когда все во дворе увидели его, они все замолчали. В очень скоординированном групповом действии все слуги склонили головы и завершили свое обычное приветствие: “Видим Второго Хозяина.”

Мужчина не ответил на приветствие и медленно вышел. Чэнь Мяо Пин только сейчас обнаружил, что у другого, похоже, были некоторые проблемы с ходьбой, так как он хромал, когда выходил.

С тех пор как Се Юй Чжи вышел, Чунь Цяо был напуган его присутствием до безмолвия. Теперь, когда чернильно-черные шелковые туфли остановились перед ней, из ее тела словно высосали весь воздух, и она безвольно упала на землю. Когда она споткнулась, то спряталась за Чэнь Мяо Пина с испуганным выражением лица, держась за его плечи и причитая,

«Гу-Е, пожалуйста, спаси Чунь Цяо!»

Спаси кто? Разве ты не очень хорошо сейчас произнес свою речь ... .

Чэнь Мяо Пин изначально не очень устойчиво стоял на коленях, и когда она бросилась вперед, чтобы схватить его, он не смог удержать равновесие и упал на пол. Уже собираясь подняться, он понял, что лежать в десять раз удобнее, чем стоять на коленях, и поэтому сделал вид, что немного борется, а потом не двинулся.

Эта сцена попала в поле зрения всех во дворе, и это было похоже на воплощение поговорки, где у мужчины были мысли, а женщина была готова, создавая идеальную пару.

У Се Юй Чжи была больная нога, и он не мог долго стоять. Он дал знак слугам развязать их, а затем медленно сел на принесенный ему красивый резной деревянный стул. Его глаза вопросительно осмотрели Чэнь Мяо Пина прежде чем он приклеил улыбку на свое лицо,

«Тебе нравятся такие никчемные слуги?»

Се Юй Чжи был единственным главным сыном Го Гуна. Чунь Цяо была всего лишь скромной служанкой, даже не служанкой первого уровня. Даже идиоты знают, кого выбрать.

И, очевидно, Чэнь Мяо Пин не был идиотом. Он вывернул свои ушибленные запястья и под полным надежды взглядом Чунь Цяо покачал головой и сказал:

«С тех пор как Мяо Пин стал мужем, вступившим в семью Второго Мастера, моя жизнь теперь принадлежит Второму Мастеру. Как может Мяо Пин нравиться кому-то еще?»

Еще до того, как он закончил, сердце Чунь Цяо словно упало в лед, а ее лицо стало еще более мертвенно-бледным, когда ее тело снова начало раскачиваться.

Се Юй Чжи не был поражен его словами и продолжал спрашивать,

«Ты же не винишь меня за то, что я не был достаточно великодушен и запретил тебе жениться на наложницах? Отрезать благовония своего предка?»

Чэнь Мяо Пин продолжал качать головой,

«У Мяо Пина нет ни отца, ни матери. Просто плавающая в воде ветка. С самого детства я полагался на родственников из моего родного города и их общины, чтобы жить. Теперь, когда Второй Мастер пообещал не покидать меня, я попрошу только сердце одного человека. Никогда не уходить, никогда не сдаваться. Никогда даже в мыслях не было иметь наложницу.»

Лицо Чунь Цяо было полно недоверия, и она наклонилась вперед, чтобы схватить Чэнь Мяо Пина за руки. Она быстро сказала:

«Нет Гу-Е! Нет! Это вы привели меня в это поместье. Это ты сказал, что он будет добр к Чунь Цяо!»

Чунь Цяо изначально была дочерью бедняка, проданной своим азартным отцом чудовищу, у которого было три жены, которые уже умерли. Она изо всех сил пыталась вырваться от него, и так случилось, что ее увидел Чэнь Мяо Пин, который потратил десять таэлей серебра, чтобы купить ее в поместье Го Гун в качестве горничной.

Чэнь Мяо Пин легонько стряхнул ее руку: «Юная леди, вы ошибаетесь. Я только жалела твою ужасную историю и семейное прошлое, и у меня хватило духу попытаться сделать что-то хорошее. Я обещал хорошо заботиться о тебе, но это не значит, что я возьму тебя в наложницы.»

В это время он был чрезвычайно благодарен за то, какое глубокое значение могло иметь каждое слово китайского языка, и особенно с древнекитайским, где Чэнь Мяо Пин мог свободно выбирать, как и каким образом интерпретировать формулировку.

Чунь Цяо не мог не заплакать от боли. В глубине души она знала, что если Чэнь Мяо Пин не защитит ее, то ее смерть неминуема. Она сразу же начала сильно склонять голову к земле с четким звуком “бах” каждый раз,

«Гу-Е, это ты спас Чунь Цяо. Чунь Цяо имеет чистое и искреннее сердце по отношению к вам, желая быть тем, кем вы хотите отплатить вам!»

Чэнь Мяо Пин отошел от ее поклона, и его привлекательное лицо, которое могло повергнуть людей в оцепенение, было очень спокойным и холодным: «Я потратил на тебя всего десять таэлей серебра. Если вы, юная мисс, хотите отплатить мне, просто верните мне десять таэлей серебра.»

Эта фраза сразу же заглушила все крики Чунь Цяо в ее горле. Она широко раскрыла глаза и долго не могла среагировать. Вокруг нее слышались слабые звуки издевательского смеха.

Се Юй Чжи закрыл глаза в безразличии. Фонари, висевшие на колоннах внутреннего двора особняка, освещали высокое анютиное дерево, затеняя его нефритовое лицо силуэтами цветов. Он сказал через некоторое время,

«Значит, по-твоему, все это было ее ошибкой и не имеет к тебе никакого отношения?»

«Конечно, Мяо Пин виноват в этом.»

Чэнь Мяо Пин поклонился ему в пояс,

«Поскольку я уже женат, мне не следовало быть так близко к другой женщине, особенно в такой двусмысленной обстановке. Я был пьян от вина сегодня, и мой разум был в оцепенении. В эту брачную ночь, когда мы с тобой должны были пожениться, я совершенно не должен был оставаться наедине с Чунь Цяо и слепо создавать это недоразумение. Я должен смиренно просить наказания у Второго Мастера.»

Се Юй Чжи отряхнул свою мантию пальцами, которые были очень структурированы, что делало его еще более красивым, чем больше вы смотрели на него в его ярко-красном свадебном наряде. Он усмехнулся,

«Нет смысла наказывать тебя. В конце концов, муж и жена на один день, благодарность на следующие сто дней. Мы еще не прожили и одного дня, так что не стоит быть такими жестокими.....»

«Ка Лязг»

Слабый звук эхом разнесся по двору, и золотой кинжал приземлился перед Чэнь Мяо Пином. Следующие слова Се Юй Чжи были брошены очень небрежно, но каждое слово становилось бомбой, взрывающейся в мозгу Чунь Цяо, превращая ее разум в белое поле,

«Эта горничная перешла мне черту, и мое сердце не очень счастливо. Поскольку у тебя нет к ней никаких чувств, как насчет того, чтобы убить ее?»

Примечания:

Несколько объявлений ниже (это будет долго...):

1) Woooo Plum и я вернулись, и мы рады вернуться! Хотя, мальчик, разве мы скучаем по нашей отпускной неделе (своего рода), которая не то чтобы у нас не было выходного дня, но жизнь иногда бывает болью (; []);). В любом случае, мы надеемся, что у вас был отличный октябрь!

2) Это, скорее всего, будет тяжелый том сноски (по крайней мере, с установочной частью) как исторические жанры... (что в качестве напоминания: вы можете нажать на пронумерованную заметку/сноску, чтобы вернуться ниже или обратно к тексту, где вы читали! Я постараюсь настроить некоторые ссылки, подобные приведенной выше, на те, которые очень длинные, как эта, чтобы было меньше стен текста для прокрутки вниз вручную)

3) Титулы и большинство вещей были взяты из "Словаря официальных титулов в императорском Китае" Чарльза О. Хакера, который оказал огромную помощь ☐ В этом томе упоминается много титулов, должностей, мест и людей, и я постараюсь сослаться на них таким образом, чтобы не нужно было их искать, но дайте мне знать, если я должен включить что-то вроде упомянутого списка в конце главы, чтобы помочь (так как график обновления также будет изменен... который:)

4) Я также все еще нахожусь в середине перевода этого тома, но исторические жанры, серьезно. Если я когда-нибудь решу продолжать переводить дальше этого, исторических жанров больше не будет! (жаль, что скоро появится еще один том этого жанра) ☐ ☐ (00)☐ ☐ ☐ В любом случае, поскольку это очень срочная и кропотливая задача, которая каким-то образом дала мне больше исследований, чем я когда-либо делал в школе (ха-ха...), по крайней мере для этого тома, 5 глав в будний день не будут работать впечатляюще непростительно (☐•☐•☐) (или, по крайней мере, выполнимо для того количества времени), так что...

>> Добавлено название тома в соответствии с томом 1 ☐

Сноски

*1 Чан Го Гун: титул, который можно приравнять к герцогу. В частности, герцог процветания, что в данном случае означает, что своими действиями он заставил имперское государство процветать (от своих завоеваний).

*2 Второй Мастер (Се): Титул, чтобы назвать Се Юй Чжи, чтобы назвать, с уважением, что он является вторым "главным" сыном семьи Се (главным, как в сноске 4). Это может быть Се Эр-Е (но Плам нравился нынешний ☐), и это то же самое, что называть Хо Мин Чэнь Хо Эр-Шао.

*3 отрезанный рукав: это фраза, которая означает, что в древнем Китае человек является гомосексуалистом. Есть история об этом, и она заканчивается довольно печально, но фраза в основном основана на этой истории об одном императоре, который любил этого одного человека и якобы не хотел будить его (после того, как проспал всю ночь вместе) на его раннее утреннее собрание императорского двора/собрание и поэтому отрезал ему рукав, чтобы не разбудить его (отсюда и "отрезанный рукав").

*4 главный сын: Я имею в виду всех сыновей/дочерей главной/главной жены, "первую" жену, подобную жене президента, жену, которая является правильной, выше всех других "жен" того же человека. Главные сыновья от главной жены имеют право наследовать титул над сыновьями наложниц. Вероятно, можно считать главным (иногда я видел перевод как "ди") как в ребенке, не рожденном от наложниц, и вы, вероятно, можете думать о нем как об императрице императора, как о главной/первой и всех последующих наложницах, супругах, не являющихся главными/главными.

*5 Эр Гу-Е: как и сноска 2 (и как Хо Мин Чэнь можно назвать Хо Эр-Шао), это призыв сослаться на то, что Чэнь Мяо Пин-муж Се Юй Чжи (Второй Мастер). "Йе" - это суффикс, характерный для значения "хозяин" домашнего хозяйства. "Эр" в данном случае означает

“второй”.

*6 Искатель цветов: как и в остальной части предложения, это означает место в качестве третьего общего ранга на экзамене императорского двора (которого вы можете достичь только после прохождения нескольких этапов экзаменов).

*7 Феникс сон похож на феникса человека, желающего выстрелить прямо на вершину/перелететь на вершину и встать выше всех остальных из вашего бедного/низменного фона – обычно это означает в случае слуг, спящих с хозяином дома, вскочить в статусе как бы кратчайшим путем

*8 “возжигание благовоний для предков” – так вот как раз конкретно о древнем Китае, в семье обычно есть место для надгробных плит ваших предков в специальной комнате/павильоне, где по особым случаям или при особых обстоятельствах вы бы кланялись в знак уважения всем предкам, которые составили эту семью, и просили защиты. И частью этого ритуала является возжигание благовоний. В этом случае единственными людьми, которые могут войти в этот павильон, чтобы сжечь благовония для ваших предков, являются мужчины, и обычно только “главный” сын(ы) считается подходящим. Чем дольше длится традиция, тем дольше может гореть фимиам. Если у вас нет “главных” сыновей, ваше благовоние считается “отрезанным”, поэтому продолжать жечь благовония-значит продолжать свою семейную родословную.

Также просто как ссылка на то, из чего может состоять поместье (поскольку чем богаче семья, тем она больше, и у нее может быть несколько дворов, павильонов, комнат, входов и т. Д. (для каждого из хозяев/хозяйок домашнего хозяйства и слуг), что-то вроде участка земли с несколькими особняками, который связан вместе, чтобы стать поместьем?):

<http://bllate.org/book/17367/1628895>